

И.А. Иванов

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.И. МЕЛИССИНО НА ПОСТУ
ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
(по архивным материалам)**

В данной статье речь пойдет о ряде архивных документов, как уже известных, так и еще не введенных в научный оборот, связанных с именем обер-прокурора Св. Синода И.И. Мелиссино¹. Большинство материалов, на которые мы будем опираться, остаются пока не знакомыми широкому кругу исследователей. Напомним основные факты биографии обер-прокурора, о жизни и деятельности которого мы знаем из немногочисленных трудов историков XIX столетия².

Иван Иванович Мелиссино происходил из знатного дворянского рода. Его отец Иван Афанасьевич Мелиссино, потомок древнего греческого рода, лекарь по профессии, приехал в Россию при Петре I. Иван Иванович родился в 1718 г. в Риге. В 1732 г. он закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. В 1740 г. с офицерским чином прапорщика Иван поступил на статскую службу. С 1746 г. служил надворным советником в Ревельской генерал-губернаторской канцелярии. На пост директора Московского университета (1757–1763) с чином канцелярии советника и коллежского асессора И.И. Мелиссино был назначен императрицей Елизаветой Петровной по представлению куратора университета И.И. Шувалова. С 1763 по 1768 гг. — обер-прокурор Св. Синода. Уволенный с должности в чине тайного советника И.И. Мелиссино с 1771 г. и до конца жизни был куратором Московского университета. В качестве члена Российской Академии наук И.И. Мелиссино основал «Вольное российское общество» и «Общество любителей российской учености». В 1790 г. Мелиссино организовал русский перевод выходившего в Гамбурге «Политического Журнала». Скончался Иван Иванович 23 марта 1795 г.

После кратковременного царствования преемника Елизаветы Петра III, не скрывавшего своего негативного отношения к Православной Церкви и угрожавшего новым господством немецкого духа, настало царствование Екатерины II — императрицы-философа XVIII в. Екатерина Алексеевна желала прослыть просвещенной монархиней, мудрой правительницей, неустанно пекущейся о благе подданных, великой законодательницей. Все это, наряду со стремлением соединить в своей деятельности реформаторский пыл Петра I

и искреннюю веру в идеалы Просвещения, более 30 лет составляло побудительные мотивы политики Екатерины II. В отличие от многих предшествующих государей, в разное время занимавших российский трон, Екатерина взошла на престол, имея не только ясное представление о принципах, по которым она будет править, но и вполне определенную политическую программу: навести порядок как в светской, так и в духовной жизни русского общества. Одним из первых шагов в этом направлении было продолжение церковной реформы, начатой в Петровское время.

В 1700 г. Петром Великим было отменено патриаршество. Органом, возглавившим Русскую Православную Церковь, стал Святейший Правительствующий Синод. Для контроля над деятельностью Синода назначался светский чиновник — обер-прокурор. Эта должность была учреждена в 1722 г. Обер-прокурор по данной ему инструкции должен был стать органом государственного надзора в Святейшем Синоде, «оком царевым и стряпчим дел государственных». Однако в его компетенцию входило не только наблюдение: он имел право корректировать решенные дела, вносить в них изменения и предлагать свои тезисы. Обер-прокурор назначался самим императором и по сути являлся посредником между ним и членами Св. Синода. Предложения, исходившие от обер-прокурора, чаще всего отражали взгляд императора на религиозные вопросы. Но иногда обер-прокурор проявлял собственную инициативу в церковных делах.

Характер отношения Екатерины к русскому духовенству и его интересам определялся взглядом императрицы на членов Св. Синода как на своих верноподданных, обязанных следовать целям, указанным правительством. Поэтому особое внимание уделялось власти синодального обер-прокурора. В начале царствования Екатерины Великой эту должность занимал кн. Алексей Козловский (1758—1763), поставленный еще при Елизавете Петровне. При новом отношении верховной власти к Синоду потребовалась такая личность, которая вполне разделяла бы воззрения на религию и Церковь, господствовавшие в просвещенной части современного Екатерине II западноевропейского и российского общества и усвоенные самой императрицей. Таким лицом, обратившим на себя внимание Екатерины и признанным ею способным удовлетворительно выполнять обязанности представителя государства в церковном управлении, оказался директор Московского университета Иван Иванович Мелиссино. 10 июня 1763 г. он и был избран императрицей на пост синодального обер-прокурора и, по случаю нового назначения, по-

жалован ею чином действительного статского советника³. Одновременно Мелиссино получил право на самый высокий по сравнению с размерами вознаграждения прежних обер-прокуроров 2-х тысячный оклад годового жалования. 14 июня он рапортовал Синоду о вступлении в должность⁴. Новый обер-прокурор сразу приступил к выполнению своих обязанностей.

Одной из самых злободневных проблем, стоявших перед Русской Православной Церковью во второй половине XVIII в., была раскольническая проблема. Для ее решения императрица выбрала либеральный курс, и роль обер-прокурора была в нем решающей. Иван Иванович представил Екатерине «Мысли о раскольниках и о средствах к обращению их». Этот документ был нами обнаружен в РГАДА и впервые вводится в научный оборот⁵. Он представляет собой рукопись второй половины XVIII в. на 8 листах, написанную на французском языке и имеющую следующее полное название: «Propositions touchant les Roscolniks par Jean de Melissino»^{*}.

Анализ почерка в сравнении другими архивными документами⁶, принадлежащими руке И.И. Мелиссино, доказывает его авторство. Иными словами, перед нами автограф, датируемый приблизительно 1763 г.

По мнению И.И. Мелиссино, русский церковный раскол — это, якобы, следствие неграмотности, «непросвещенности» народа. Исправление ошибок в церковных книгах и изменения в обряде при патриархе Никоне из-за народного «невежества» были восприняты как смена вероисповедания: «L'ignorance est la source de tout ce mal»^{**}.

В результате раскола духовенства произошел раскол общества. «Духовенство вело борьбу с народом, а народ, не видя света, бежал в потемках, и духовенство гнало его, приговаривая к ссылке и даже к смерти. Вместо того чтобы обратить народ, духовенство, скажу я, только укрепляло народ в заблуждении»^{***}.

^{*} «Предложения относительно раскольников, написанные Иваном Мелиссино» (здесь и далее перевод автора. — И.И.).

^{**} Фр.: Невежество — источник всего зла.

^{***} Sévissant contre un peuple, qui faute de lumière, courrait les ténèbres, il le fit courir a la proscription, et a la mort même. Au lieu donc de le convertir, ce Clergé dis-je l'endurcissait dans l'erreur. Sa sévérité trop outre, qui exposa le peuple a l'opprobre, et a l'ignominie ; a la perte de leurs biens, de leurs femmes et enfants, et souvent de leur vie, causa premièrement l'opposition du coté des égares, et la continuation de la dureté du Clergé, fournissait au peuple de raisons légers de défiance et de ténacité.

Так писал обер-прокурор, выявляя причины раскола. Заметим, что И.И. Мелиссино как человек своего времени, т.е. эпохи Просвещения, напрямую сравнивал культуру нового времени и современную ему церковную литературу с верой старообрядцев. Его взгляд по «раскольническому» вопросу является и нецерковным и неисторическим.

Во избежание пагубных последствий раскола Мелиссино предлагает принять ряд мер по пресечению этого явления.

Во-первых, Св. Синод должен напечатать основные догматы православного исповедания. Можно вызвать в Синод раскольников и, зачитав им этот перечень, спросить, придерживаются ли они тех же религиозных принципов, согласны ли они их сохранить и готовы ли действовать всегда согласно клятве, т.е. быть верными подданными и ничего не предпринимать против официальной религии и против гражданских законов и установленных положений. Как только они откажутся от нарушений и «заблуждений», в которых обвиняются, и согласятся со всеми упомянутыми пунктами, они должны будут подписать, каждый в отдельности, письмо со взаимными обязательствами.

Во-вторых, писал И.И. Мелиссино, будут рассмотрены богослужения как старого, так и нового обрядов и их различия. И, возможно, разрешены будут те обряды и те старые книги, которые не противоречат официальному Православию. Старообрядцам позволят строить церкви, им дадут священников, которые будут служить у них по обряду, заранее условленному. Согласно предписанию, священники эти будут каждый месяц сообщать епископам о поведении раскольников в каждом приходе, т.е. предполагались доносы. То же самое будет сделано во всех епархиях, и таким образом станет известно о поведении каждого в отдельности и о всех в целом.

В-третьих, раскольников больше не будут анафематствовать. Более того — их известят, что тот, кто после такой величайшей милости, оказанной им, осмелится нарушить хотя бы один пункт из условий, перечисленных здесь, будет наказан строжайшим образом согласно закону. А те, кто не захочет подписать условия, будут считаться действительно раскольниками. По словам Мелиссино, фанатизм и далее должен внушать опасение правительству. Во всех губерниях Российской империи необходимо внимательно следить за ними и за всеми их выступлениями. Следует особенно наблюдать за тем, чтобы у них не было частных собраний, постараться, чтобы их число сократилось. Поскольку было известно, что в случае рекрут-

ского набора раскольники покупают у соседских помещиков крестьян, которых посылают на военную службу вместо себя, то, полагал И.И. Мелиссино, стоило бы запретить им в дальнейшем пользоваться такой свободой.

Не все старообрядцы признают священство. Обер-прокурор предлагал «окормлять» и поповцев и беспоповцев, всех без исключения. По его словам, можно было бы выбрать людей благочестивых, известных своей набожностью и одновременно наделенных талантом наставлять в вере, обещая им обязательное вознаграждение за тех, кого они приведут в Церковь. Наконец, наиболее надежным средством сокращения числа раскольников, по мнению Мелиссино, стал бы указ императрицы, который обеспечивал всем тем, кто оставит «ложную» веру в установленный срок, временное освобождение от подушной подати. К тем же, кто возвращается к своим заблуждениям, следует применить строгое наказание.

Заканчивая свое письмо, Мелиссино пишет: «*Mais si malheureusement le tout ne valait pas la peine de la lecture, ne blâmez pas très Clémente Souveraine le Zèle d'un fidel Serviteur, qui aurait manqué non par la faute du coeur, mais uniquement faute de talent*»*.

Идеи обер-прокурора начали претворяться в жизнь. Так, в ноябре 1764 г. крестьянин Афанасий Ярославцев просил милости некоторым польским раскольникам⁷. Указом Екатерины Великой от 1 сентября 1762 г. все виновные были удостоены прощения, кроме раскольников, поэтому в новом обращении к Синоду Мелиссино настаивал на необходимости полной свободы для раскольников⁸. О ней говорилось в указе Екатерины Алексеевны⁹: раскольников миловали, но упорные должны были заполнить анкеты, дабы их можно было обложить двойным окладом и «уведывать ко обращению в правоверие». По указанию И.И. Мелиссино, Св. Синод 17 декабря 1764 г. предписал епархиальным архиереям освободить раскольников, разосланных по монастырским темницам для обращения в правоверие, и не применять к ним никаких мер, кроме увещания¹⁰.

Через год, 11 мая 1765 г., Мелиссино снова попытался изложить Св. Синоду свои тезисы по раскольническому вопросу, некогда предоставленные Императрице¹¹. Итак, записавшиеся раскольники должны быть обложены двойным налогом; их дети не должны быть

---

* Фр.: Но если, к сожалению, все, что я написал, не стоит и читать, то не судите строго, Милостивая Государыня, Вашего верного слугу за его усердие. Конечно, мне не хватает таланта, но я писал от чистого сердца.

притесняемы; следует отменить раскольническую контору. Обер-прокурор полагал, что при смене строгости на милость возможна попытка православной миссии, ведь раскольники нуждаются в священстве. И необходимо избегать притеснения последних со стороны Церкви и духовенства.

23 октября 1765 г. Н.И. Панин¹² объявил Ивану Ивановичу повеление Екатерины о напечатании увещания раскольникам, и он предложил сделать это в типографиях Москвы и Санкт-Петербурга. Во избежание ошибок был назначен редактор — «богословий учитель» иеромонах Платон (Левшин), будущий митрополит Московский. Распространенные тексты с увещанием, как и другие принятые меры Мелиссино, принесли плоды, хотя и не столь обильные: обращения раскольников были единичны (см. рапорты архиереев)¹³.

В целом деятельность обер-прокурора, как уже говорилось, вполне соответствовала духу просвещенного времени. На посту директора Московского университета И.И. Мелиссино ревностно занимался обучением студентов; в 1765 г. от имени императрицы он предложил Синоду «высочайшую волю», состоявшую в том, чтобы из обучавшихся в семинариях учеников, которые дошли уже до риторики и «подают хорошую надежду в понятии и пред прочими взяли преимущество в честных поступках», избрать десять человек для отправления их в Англию¹⁴. В Оксфордском и Кембриджском университетах юноши могли бы научиться восточным языкам и высшим наукам, включая, конечно, и богословие. Квалифицированных специалистов и людей науки было немного тогда в России.

Избранные семинаристы вместе с инспекторами были направлены в Оксфорд, Геттинген и Лейден. В инструкции, преподанной в виде наставления, им говорилось: «Обучаться вам греческому, еврейскому и французскому языкам. Немецкий язык и другие восточные диалекты оставить всякому на произволение. Всем обучаться моральной философии, гистории, наипаче церковной, географии и математическим принципам, также и непространной богословии <...> При слушании тамошней богословии могут случаться догматы, нашей Церкви противные; инспектору надлежит заблаговременно их лекции рассмотреть и, ежели такие противности слушались, о том студентов в осторожность с истолкованием уведомить, дабы слушание оных им также служило впредь единым нужным пастырским сведением разницы догматов между христианскими истолкованиями»¹⁵. Дважды в год, на праздники Рождества Христова

и Св. Пасхи, нужно было ездить в лондонскую греко-российскую церковь для исповеди и причащения. Правительство Екатерины имело прежде всего в виду государственные, а не церковные интересы: предполагалось, что выучившиеся за рубежом семинаристы в дальнейшем будут находиться на службе у императрицы, например, в коллегии иностранных дел и др. ведомствах. Церковная власть вынуждена была смириться с таким использованием духовных питомцев. Вернувшиеся из-за границы в 1773 г. студенты сдавали экзамен в присутствии духовной комиссии по латинскому, греческому, еврейскому, немецкому и французскому языкам: успех был полным. Так, благодаря стараниям обер-прокурора появилось новое поколение молодых ученых и государственных деятелей.

И.И. Мелиссино, докладывавший императрице о положении дел в высшем церковном учреждении, в свою очередь получал от Екатерины устные и письменные приказания (рескрипты), уполномочивавшие его передать Синоду то или иное поручение верховной власти. Об одном из них скажем подробнее.

Во время своего путешествия по Волге Екатерина получила в дар от одного казанского купца образ Святой Троицы с «тремя лицами и четырьмя глазами». Признавая крайне нежелательным существование таких странных икон и опасаясь возможности распространения и даже дальнейшего развития «соблазнительного» иконописания, императрица отослала поднесенный образ к обер-прокурору, предписав ему сообщить о том Св. Синоду и доложить ей, считает ли он позволительным делать подобные образа. При этом, не желая подвергать неприятным последствиям простодушного купца, несколько не виновного в пылкой фантазии художника и поднесшего икону от избытка верноподданнических чувств, Екатерина дала знать обер-прокурору, чтобы он освободил казанского торговца от строгих допросов¹⁶. Синод, возмущенный нелепым и непристойным изображением Св. Троицы, выразил желание, чтобы нигде не писали икон и не выпускали их в продажу «без апробации» специальными синодальными живописцами, что обер-прокурор и довел до сведения императрицы. Екатерина в особом письме на имя И.И. Мелиссино признала это распоряжение неудобным во многих отношениях и рекомендовала ограничиться одними указами епархиальным архиереям, чтобы они не допускали такие неприличные изображения¹⁷. Синод исполнил волю императрицы¹⁸.

Просвещенная монархиня в своих резолюциях была не всегда столь мягка, как в случае с вышеупомянутым купцом, и порой

прибегала к довольно строгим мерам. «Иван Иванович! — писала Екатерина в одном из своих рескриптов. — Посланного при сем, тамбовской епархии, попа Иосию Ионикиева, подавшего ко Мне предерзостное <...> челобитье <...> изволите, объявля сей мой в Синод указ, послать в какой-нибудь монастырь на некоторое время для усмирения под начало, где против монаха и содержание ему определите»¹⁹. К сожалению, мы не нашли сведений о том, в чем же именно состояла «предерзостная» просьба попа Иосии, но известно, что обер-прокурору приходилось разбирать все, даже самые неприятные дела: об убийствах, прелюбодеяниях и «любодеянных» грехах духовенства²⁰. Дабы не было всеобщих «нареканий, исмеиваний и разглашений», обер-прокурор передавал их правящему архиерею.

В некоторых случаях (частных) Святейший Правительствующий Синод не соглашался с мнением (указами) Екатерины, но обычно вынужден был уступать ей. 22 июля 1765 г. И.И. Мелиссино внес на заседание Св. Синода полученный от императрицы указ об оставлении в должности уволенного живописца Антропова и о вознаграждении его жалованьем из доходов коллегии экономии. Синод через обер-прокурора отправил государыне особую записку, где представил свое решение по этому вопросу: назначенный художник Колокольников (для наблюдения за другими иконописцами) обязался служить без всякого жалованья, а потому нет никакой нужды в Антропове. Но Екатерина поручила И.И. Мелиссино «произвесть в надлежащее действие свое первоначальное распоряжение об уволенном художнике», что тот и сделал: Синод все же определил Антропова на штатную службу²¹.

Как видно из приведенных документов, функция Синода всегда сводилась к утверждению резолюций императрицы. Такое положение дел не могло устраивать его рядовых членов. А так как обер-прокурор являлся представителем имперской власти в церковном управлении, то свой протест они выражали пассивным отношением к его инициативам. Так, 8 июля 1767 г. И.И. Мелиссино подал очередное предложение²², связанное с духовным делопроизводством консисторий: дела рассматривались очень медленно. Да и Святейший Синод часто откладывал нерешенные дела. Полноценной информацией не обладал даже обер-прокурор. Справедливо замечая это, И.И. Мелиссино предложил делать копии со всех документов и отсылать рапорты в Синод. Дело оставалось нерешенным. В журнале Св. Синода есть записи: от 24 сентября 1767 г. (№ 8) — «Оставить до будущего впредь рассмотрения»²³. В 1769 г., уже после от-

странения И.И. Мелиссино от должности, написано: «Оставить из реестра нерешенных дел, исключить»²⁴.

Поведение Екатерины и правительствующего Синода по отношению к обер-прокурору было неоднозначным. Императрица иногда игнорировала приоритет обер-прокурорской власти, передавая свои распоряжения по духовному ведомству через синодальных членов. В свою очередь, и Синод делал доклады верховной власти, минуя И.И. Мелиссино. То есть в эпоху Екатерины II посредничество обер-прокурора не являлось еще обязательным и необходимым условием всех сношений верховной власти с высшим церковным учреждением. Единственной возможностью для главы Синода проявить свою инициативу была подача предложений.

Важное значение имеет предложение И.И. Мелиссино, связанное с положением церковной недвижимости в Малороссии. Напомним, что 26 февраля 1764 г. произошла секуляризация архиерейских и монастырских вотчин²⁵ в великорусских губерниях. И учрежденная Екатериной комиссия о церковных имениях успешно выполнила трудную задачу, возложенную на нее правительством, без участия обер-прокуратуры.

В Малороссии же монастыри и архиерейские дома по-прежнему продолжали владеть огромными вотчинами. В августе 1766 г. обер-прокурор, руководствуясь желанием императрицы, обратился к Синоду с предложением распространить секуляризацию монастырских имуществ и на Малороссию²⁶. В качестве главных побудительных причин к тому И.И. Мелиссино указывал на многочисленные беспорядки в управлении церковными вотчинами и бесконечные судебные процессы между владельцами имений. В действительности для духовенства были тяжелы те «матерние щедроты» Екатерины II, которые правительство стремилось распространить и на Малороссию. В данном случае Св. Синод вынужден был исполнить предложение И.И. Мелиссино. 15 сентября 1766 г. Синод подал императрице доклад, составленный в духе обер-прокурорского предложения, с согласием на секуляризацию церковных земель в Малороссии.

Для того чтобы обеспечить лояльность синодальных членов в проведении реформ, подрывавших материальное положение Русской Православной Церкви, необходимо было отчасти компенсировать потери. С объявлением именного Императорского высочайшего указа о синодальном штате И.И. Мелиссино предложил 2 сентября 1765 г. учинить духовную комиссию для сочинения ведомости²⁷. Дело сводилось к справедливой выплате жалованья слу-

жащим в Св. Синоде, учитывая положение и чин. Синод согласился, но заодно пожаловался на то, что тогда уж и Сенат нужно уравнивать в жаловании с ними. Ведь Петром I Синод и Сенат были уравнены в правах. Синодальными служащими были составлены таблицы, где ясно указывалось, какому чину сколько денег платить в год, и составлен письменный отчет о порядке выплаты жалованья.

Можно полагать, что некоторыми распоряжениями Екатерина II старалась оправдать перед духовенством секуляризационные реформы, например, отменой телесных наказаний священников²⁸. Дело от 15 января 1767 г. гласило: «По Синодальному определению о нечинении священникам, иеромонахам преосвященными архиереями по случающимся делам пристрастных и кровопролитных распросов и никаких телесных наказаний». Раньше священники наказывались за несправедную жизнь бичеванием, тяжелой работой и т.д. Однако новый указ не распространялся на низшее духовенство. И.И. Мелиссино решил помочь и этим обездоленным. Он выступил инициатором отмены телесных наказаний низших духовных чинов. В мае 1767 г. обер-прокурор предложил Св. Синоду обратить внимание на некорректность решенного дела²⁹. Но со стороны Синода заявление И.И. Мелиссино было проигнорировано. Дело сдвинулось только в 1771 г.: 2 мая вышел указ Екатерины II о том, что священникам, иеромонахам, протодиаконам, иеродиаконам, диаконам и прочим не творить никаких телесных наказаний. Дозволялись лишь наказания в виде духовных трудов, отрешения от дохода и проч. Те священнослужители, которые ведут себя непорядочно, т.е. пьют, творят бесчиния и подают соблазн пастве, исключаются из причта³⁰.

Наиболее яркое событие, связанное с деятельностью И.И. Мелиссино за обер-прокурорским столом, произошло в 1767 г. Это неизвестный факт предложения Св. Синоду особых обер-прокурорских «Пунктов», предназначенных служить руководством при составлении наказа для синодального депутата Екатерининской комиссии 1767 г.

«Пункты» были опубликованы в журнале «Чтения» ОИДР³¹. Отсутствие в публикации ссылок на первоисточник ставило перед исследователями проблему подлинности документа. До недавнего времени не было и никаких архивных свидетельств. Однако нами в РГАДА было обнаружено дело (микрофильм на 16 лл.) под названием: «Пункты, предложенные Синоду обер-прокурором его Мелиссино для сочинения-инструкции депутату в комиссию о сочинении Нового Уложения», год 1767³². Он содержит текст «Пунктов» в двух

разновременных рукописных копиях: 60-е гг. XVIII в. (лл. 1–6 об.) и начала XIX в. (лл. 8–16). Лист 7 содержит Указ Екатерины II о назначении на должность обер-прокурора И.И. Мелиссино. Оригинал, с которого делался микрофильм, неизвестен. Также неизвестен и тот рукописный текст, с которого переписывались копии «Пунктов». Их почерк принадлежит не И.И. Мелиссино, а, скорее всего, копиистам. Проблема авторства этого документа остается открытой. Но мы вслед за большинством исследователей будем все же связывать его с именем И.И. Мелиссино.

В 1767 г. Императрицей была учреждена Большая комиссия для составления проекта Нового Уложения относительно разнообразных сторон русской государственной и народной жизни. Надо заметить, что формы участия духовных лиц в работе комиссии были крайне узкими. «В наказах, — пишет О.А. Омельченко, — представленных депутатам в комиссию, вопросы правового положения духовенства, как и другие, прямо или косвенно относящиеся к жизни церкви, были затронуты в очень малой степени. Секуляризация церковных земель сняла наиболее острые из возможных общественных претензий разных сословий»³³.

Напоминая высшему органу церковного управления о необходимости поспешить с составлением наказа синодальному депутату, И.И. Мелиссино в июне 1767 г. предложил Синоду рассмотреть написанные им «Пункты» для использования при сочинении депутатского наказа или же для представления их на обсуждение самой комиссии. Если же некоторые пункты, писал обер-прокурор, «рассудится совсем отменить», то в таком случае синодальные члены обязывались представить надлежащие объяснения, по каким уважительным причинам они находят необходимым отменить тот или другой пункт³⁴.

«Пункты» И.И. Мелиссино, тоже затрагивавшие разнообразные стороны церковно-общественной жизни, были составлены в форме вопросов, которые предлагалось решить Синоду, по его собственному усмотрению, в положительном или отрицательном смысле, но обязательно на основе закона.

Опираясь на правительственные распоряжения о вызове в Россию иностранцев, И.И. Мелиссино спрашивал в своих «Пунктах», не следует ли предоставить совершенную свободу вероисповедания иностранцам, приглашаемым в русскую землю самим же правительством³⁵. В начале своего царствования Петр I проводил политику веротерпимости, но она не была выражена каким-либо законом или

указом. И.И. Мелиссино предложил оформить это законодательно, ибо России было необходимо поддерживать отношения с иностранными державами. Но, естественно, Православная Церковь не потерпела бы распространения на территории Российской империи протестантских или иных общин и вероучений.

Репрессивные меры по отношению к старообрядцам со стороны церковных и светских властей привели к тому, что они были вынуждены молиться тайно, вызывая недовольство со стороны правительства. И обер-прокурор спросил, не следует ли, «в виду предупреждения большего зла», позволить публично совершать им свои богослужения и иметь собственное духовенство³⁶. Заметим, что в этом вопросе взгляды обер-прокурора претерпели изменение по сравнению с «Мыслями по поводу раскольников», представленными им императрице в 1763 г.

Большинство «Пунктов» обер-прокурора было посвящено обрядовой стороне православного вероучения. Так, ссылаясь на Св. Писание³⁷ и утверждая, что оно узаконило только добровольные посты, а также указывая на Апостольские Правила, установившие обязательные посты в ином виде, нежели тот, в каком они впоследствии утвердились в церковной практике, обер-прокурор предлагал «в рассуждении Св. Писания» позаботиться об ослаблении и сокращении православных постов³⁸.

Ко многим негативным сторонам народной жизни И.И. Мелиссино подходил с просветительских позиций, признавая причиной их невежество и суеверия, распространенные в народе. Констатируя, что Кормчая Книга считается «непросвещенным народом» сборником настоящих и, безусловно, обязательных церковных правил (между тем как в действительности она, по мнению обер-прокурора, заключает в себе множество погрешностей, противоречий и «лишних» прибавок) он спрашивал, не будет ли полезно заняться ее исправлением³⁹. Трудно сказать, что имел в виду в данном случае И.И. Мелиссино, ибо ко второй половине XVIII в. в Российской Империи имелось несколько списков Кормчей. Вполне возможно, что обер-прокурор желал составить единый вариант. Известно, что последняя редакция Кормчей составлена в 80-х гг. XVIII в.

Основываясь на Духовном Регламенте и нескольких указах против распространения суеверий, порождаемых «ложными» чудотворными иконами и мощами, Мелиссино вопрошал, не следует ли очистить церковь от суеверия и всех «притворных» чудес⁴⁰. Припоминая прежние распоряжения, запрещавшие носить по домам

церковные образа, автор «Пунктов» писал, не лучше было бы для ослабления народного суеверия совершенно и навсегда отменить возобновленный обычай ношения по домам церковных икон⁴¹.

Если бы предложения И.И. Мелиссино были приняты, многие обряды просто бы исчезли. Так, обер-прокурор задавался вопросами, нельзя ли что-либо убавить из «продолжительных церковных обрядов» и не принесет ли обществу пользу отмена многих излишних праздничных дней⁴². Как видим, в некоторых вопросах, связанных с изменением церковного богослужения, четко прослеживается влияние протестантского вероучения. Но при этом И.И. Мелиссино исходил как бы из Евангелия, словами: «Молящиеся же, не лишше глаголите, яко же язычницы; мнят бо, яко во многоглаголании своем услышаны будут» (Мф.6:7) он предлагал обсудить вопрос, не полезнее ли будет, вместо всенощных и вечерен установить чтение кратких молитв с обязательным поучением народа⁴³. Здесь возникает вопрос о компетентности этого человека, занимавшего пост обер-прокурора Святейшего Синода, в церковном богослужении, а то и сомнения в авторстве И.И. Мелиссино.

Указывая на отсутствие монашества в раннехристианской церкви, он предложил употреблять громадные суммы, идущие на содержание монастырей, на нужды и потребности «искусных и ученых» священников и проповедников и из них же, по примеру первенствующей церкви избирать кандидатов на архиерейские кафедры⁴⁴. Не устраивала И.И. Мелиссино и форма одежды духовенства: он спрашивал, не должно ли разрешить духовенству ношение более приличного платья⁴⁵. Что здесь имел ввиду автор, сказать трудно.

Православные каноны складывались с момента зарождения христианства и имели, таким образом, многовековую историю. Традиции оставались неизменными в церковной практике. Обер-прокурор, как видим, мыслил иначе. Приводя слова Св. Писания: «Епископу подобает быти единыя жены мужу» (Тим. 3:2.), И.И. Мелиссино находил возможным обратиться к Синоду с вопросом о дозволении «и епископам с законными женами сожитие иметь»⁴⁶. Такое преобразование могло стать поводом к очередному расколу в жизни Церкви.

По-своему интерпретируя священные тексты, И.И. Мелиссино приходил порой к довольно неожиданным выводам. Приводя свидетельства Св. Писания и святоотеческих толкований о спасении или осуждении душ умерших людей, автор «Пунктов» предлагал на обсуждение вопрос: не благоразумнее ли совершенно отменить обычай поминовения усопших, имеющий целью оказать известное влияние

на их загробную участь, так как подобный обычай только доставляет духовенству лишний повод к различным вымогательствам⁴⁷.

Не менее странными, с точки зрения церковных властей, выглядят и следующие предложения. Правительственными указами ранее кладбища в Москве и Санкт-Петербурге были запрещены. И.И. Мелиссино предлагает учредить кладбища недалеко от церквей, а особые кладбища «учредить по фамилиям»⁴⁸. Обер-прокурор говорил также, что маленькие дети не имеют понятия (в силу своего возраста) ни о Христе, ни о вере, ни Таинствах. Поэтому младенцев, не достигших семилетнего возраста, не стоит допускать до причастия⁴⁹.

Ссылаясь на различные места св. Писания и древние церковные правила, которые запрещали заключение браков лишь в первых четырех степенях кровного родства, отмечая существование в западноевропейских странах законов, позволявших расторжение неудачных браков не из-за одного только прелюбодеяния, но и по другим уважительным причинам, указывая на древнюю церковную практику, признававшую законными брачные связи христиан с иноверцами, и основываясь на отсутствие в Св. Писании и правилах вселенских соборов прямых указаний на число браков, позволительных для христианина, И.И. Мелиссино предлагал обсудить вопросы: возможно ли ослабить слишком строгие правила о родстве как препятствии к заключению браков⁵⁰, установить законные причины для развода, «кроме прелюбодейного случая»⁵¹, предоставить полнейшую свободу в заключении брачных союзов между православными и иноверцами⁵² и не запрещать овдовевшим после третьего брака жениться или выходить замуж⁵³.

Синодальные иерархи были крайне затруднены подобным обер-прокурорским выступлением. Оно затрагивало многие устоявшиеся обрядовые основы Православной Церкви и не могло уложиться в их традиционном сознании. Принятие «Пунктов» означало отрицание многовекового опыта ортодоксального богослужения, а следовательно, грозило новым расколом. По словам Ф.В. Благовидова, «отсутствие каких бы то ни было упоминаний об обер-прокурорских пунктах в архивных документах, имеющих отношение к составлению Синодом наказа для своего депутата, заставляет предполагать, что высший орган церковного управления не только не отнесся предупредительно к видам и намерениям представителя государственной власти, но и совершенно уклонился от официального обсуждения крайне неудобного обер-прокурорского предложения»⁵⁴.

Трудно предположить, что Синод оставил пункты И.И. Мелиссино совершенно без внимания и составлял «Наказ»⁵⁵ без влияния обер-прокурорской программы. Из сравнения синодского «Наказа» с «Пунктами» И.И. Мелиссино видно, что многие его замечания имелись в виду, хотя и не в столь радикальной форме. «Пункты» И.И. Мелиссино об искоренении суеверий отразились в соответствующих синодских пунктах. Мнение обер-прокурора об устройстве кладбищ потом вошло в добавление к «Наказу». В отделе о браках Синод принял во внимание указания И.И. Мелиссино о поводах к разводу. Духовно-гражданская комиссия отчасти также разделила взгляды Мелиссино по вопросам о сокращении праздников, браках с иностранцами и разрешении более трех браков⁵⁶.

То, что в синодском деле по сочинению «Наказа» о предложениях И.И. Мелиссино нет упоминания, еще не означает, что Синод мог совсем проигнорировать предложения представителя государственной власти. Хотя стоит заметить, что от официального обсуждения этого предложения синодальные члены уклонились. Обер-прокурорская деятельность Ивана Ивановича на этом закончилась. Мелиссино был уволен с должности обер-прокурора 28 октября 1768 г. с награждением чином тайного советника. Очевидно, Екатерина Алексеевна была вполне им довольна, а назначение ему приемника подтверждало это. На место И.И. Мелиссино тем же указом назначался бригадир Петр Петрович Чебышев⁵⁷. Новый обер-прокурор поступил в Синод прямо из офицеров армии и совершенно неизвестно, по каким признакам императрица определила его пригодность быть «оком государевым» в высшем церковном управлении. Из воспоминаний современников известна лишь знаменитая фраза П.П. Чебышева: «Да никакого Бога и нет!»⁵⁸

¹ Используются материалы отечественных архивов: Российского Государственного исторического архива (РГИА), фонды №796 «Канцелярия Св. Синода» и №797 «Канцелярия обер-прокурора»; Российского Государственного архива древних актов (РГАДА), фонды №18 «Духовное ведомство», №163 «Раскольничьи дела» и №305 «Комиссия о церковных имениях при Синоде»; Центрального Исторического архива Санкт-Петербурга (ЦИА СПб) фонд №19 «Петроградская духовная консистория».

² См. напр.: *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII в. и в первой четверти XIX века. Казань, 1900. *Светлов Л.Б.* «Общество любителей Российской учености» при Московском Университете // Исторический Архив. М.; Л., 1950. Т. 5. С. 300–322; *Сухомлинов М.Н.* Ис-

тория Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7; *Титлинов Б. В.* Гавриил Петров, митр. Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916.

³ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 467. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 163. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–8 об.

⁶ См. автографы: «Письмо И.И. Мелиссино к Я.Я. Штелину. 1775 года 26 января» // ОР РНБ. Ф. 588. Пог. авт. Д. 55. Л. 1–2. «Донесения куратора Московского Университета тайного советника И.И. Мелиссино главнокомандующему в Москве князю А.А. Прозоровскому, с приложением переписки его с обер-камергером Шуваловым и другими лицами о слывшем Дружеском ученом обществе, известном ныне в просторечии под именем Мартинистов (масонов). 1790 года 13 июня» // РГАДА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–3 об.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 45. Д. 336. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 3–4 об.

⁹ Там же. Л. 11–11 об.

¹⁰ Собрание постановление по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. С. 616–618.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 347. Л. 5–6.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 46. Д. 296. Л. 1.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 340.

¹⁴ 1 июня 1765 г. Дело № 245 // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. С. 280–282.

¹⁵ Там же. С. 281.

¹⁶ Там же. С. 758–759.

¹⁷ Там же. С. 763.

¹⁸ Собрание постановление по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. С. 638–640.

¹⁹ *Екатерина II.* Письма к обер-прокурорам Св. Синода // Русский архив. М., 1870. Год изд. 8-й. № 1–6. С. 750.

²⁰ Там же. Л. 4 об.

²¹ Там же. С. 745–750.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 301. Л. 1–1 об.

²³ Там же. Л. 4 об.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. XVI. № 12, 060.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 43. Д. 399. Л. 7 об.–11.

²⁷ РГАДА. Ф. 305. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 21. Л. 1–2 об.

²⁹ Там же. Л. 11–12.

³⁰ Там же. Л. 120.

³¹ ЧОИДР. М., 1871. Кн. 3. Июль-Сентябрь. Отд. V. С. 114–121.

³² РГАДА. Ф. 18. Оп.1. Д. 225.

³³ *Омельченко О.А.* Церковь в православной политике «просвещенного абсолютизма» в России // Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в Истории России. М., 1988. С. 44.

³⁴ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.

³⁵ Пункт № 1.

³⁶ Пункт № 2.

³⁷ Деян. 15, 23.

³⁸ Пункт № 3.

³⁹ Пункт № 4.

⁴⁰ Пункт № 5.

⁴¹ Пункт № 6.

⁴² Пункт № 7.

⁴³ Пункт № 8.

⁴⁴ Пункт № 9.

⁴⁵ Пункт № 11.

⁴⁶ Пункт № 10.

⁴⁷ Пункт № 12.

⁴⁸ Пункт № 13.

⁴⁹ Пункт № 16.

⁵⁰ Пункт № 14.

⁵¹ Пункт № 15.

⁵² Пункт № 17.

⁵³ Пункт № 18.

⁵⁴ *Благовидов Ф.В.* Обер-прокуроры Св. Синода в XVIII и первой половине XIX столетия. Казань, 1900. С. 262.

⁵⁵ «Наказ» депутату Синода в Комиссии по составлению Нового Уложения, написанный архиепископом Петербургским Гавриилом (10 мая 1767 г.) // ЦИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 6689. Л.4–8 об.

⁵⁶ *Титлинов Б.В.* Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1801 гг.). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени. Пг., 1916. С. 310.

⁵⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 49. Д. 275. Л. 1–1 об.

⁵⁸ *Фонвизин Д.И.* Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д.И. Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 303.